

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-39-53
УДК 82-1/-9

«АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ РОКК»: ГЛАВКОМ РККА С.С. КАМЕНЕВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Описаны историко-политические прототипы, послужившие материалом для создания ярких и запоминающихся образов в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: А.С. Рокка (главком РККА С.С. Каменев), Полайтиса (маршал М.Н. Тухачевский), Щукина (А.И. Егоров), «рыжеусого шофера» (талантливый ученый-изобретатель, инженер III ранга П.К. Ощепков). Определены театрально-жанровые источники, повлиявшие на создание образов: мистерия, фарс, буфф, пантомима. Исследована сатирическая, гротескная природа текста. В рамках фарса и буффа рассмотрен Первый Московский процесс, в орбиту действия которого попадают прототипы. Затронуты вопросы композиции и жанра, поставлена проблема атрибуции повести. К источниковедческой базе произведения добавлены: оккультный роман А. Кроули «Лунное Дитя», рассказы А. Шнитцлера «Рок», У. Аллена «Роковой опыт», Р. Маркети «Изобретение профессора Картера», Р. Пресбера «Последний пир последнего из Бирковичей», Б. Лавренева «Отрок Григорий». Используются отсылки к знаковым системам египетской «Книги мертвых» и сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Раскрыты игровые возможности модернистской прозы.

Ключевые слова: мистерия; мистификация; буфф; фарс; сказ; гротеск; С.С. Каменев; М.Н. Тухачевский; А.И. Егоров; И.В. Сталин

Выходи на битву, старый рок!
А. Блок. Шаги командора

В повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» вторым по величине и значению персонажем после В.И. Персикова является Александр Семенович Рокк. Его фамилии обязательно название повести, его делу посвящены самые занимательные эпизоды. Уже первое появление А.С. Рокка в тексте начинает решать композиционную задачу – знаменует начало дочернего сюжета, фиксирует середину, границу двух частей произведения (1–6 и 7–12).

На исходе 6-й главы герой еще не назван, но зато обозначен старомодным нарядом и «неприятным голосом», а в главе 7 его фамилия выступает уже в качестве названия главы – «Рокк». Хотя главная деталь наряда Рокка при столкновении с Персиковым вызывает у второго сильную физическую боль, профессор «тотчас» эту боль забывает, так как его психическое состояние иначе как измененным состоянием разума не назовешь, и все другие художественные детали эпизода – и «огненные часы», и слово «черт», и курс движения на особый, мистический район

Москвы «Пречистенку»¹ – заставляют предположить активизацию двойника:

«Не глядя ни на кого, никого не замечая, не отвечая на подталкивания и тихие и нежные зазывания проституток, **пробирався по Моховой, вдохновенный и одинокий**, увенчанный неожиданной славой Персиков к **огненным часам** у манежа. Здесь, **не глядя кругом, поглощенный своими мыслями**, он столкнулся со странным, **старомодным человеком, пребольно ткнувшись пальцами прямо в деревянную кобуру револьвера, висящего у человека на поясе.**

– Ах, **черт!** – пискнул Персиков. – Извините.

– Извиняюсь, – ответил встречный **неприятным голосом**, и кое-как они расцепились в людской каше. И профессор, направляясь на **Пречистенку**, тотчас забыл о столкновении».

С этого момента Рокк, судя по дальнейшим действиям, становится настоящим протагонистом Персикова – приходит в главе 7 в институт мирового научного светила под видом чиновника и в образе злонамеренной судьбы («Рок с бумагой») и, используя изо-

¹ О значении Пречистенки в повести как одном из «13 мистических мест в Москве» см. [1].

бретение Владимира Ипатьевича, пытается выполнить «трудное, практически невыполнимое задание» «по поднятию и возрождению куроводства в республике».

В прототипическом плане Александр Семенович Рокк, как мы подробнее скажем в дальнейшем, – персонаж многоликий, в нем присутствуют черты разных людей и профессий (от модернизированного поэта до командарма Гражданской войны), но заслуживший в литературоведении и широком читательском сознании однозначной оценки: Рокк вызван из небытия для того, чтобы отбросить экономику к эпохе диктатуры пролетариата и военного коммунизма, вновь ввести страну в состояние хаоса и Гражданской войны.

Оценке его как злодея помогают родственные литературные приемы: «неомифологизации», когда в процессе развития сюжета облик и поведение «заведующего» Рокка обрастает чертами и поведением «антихриста», врага, супостата, дьявола, – и приемы литературного сказа с его народно-мистическим пониманием и представлением личности в истории. Поэтому сначала обратим внимание на элементы сказовой структуры и уж потом перейдем к подробному описанию его исторического прототипа.

В разгар печатания повести в № 23 «Красной панорамы» за 1925 г. (напомню, что «Луч жизни» публиковался в № 19, 20, 21, 22 и неожиданно завершился в № 24 под названием «Роковые яйца»), то есть в пропущенном для печати номере, появляется рассказ Б. Лавренина «Отрок Григорий». Рассказ небольшой, заканчивающийся в № 24 одновременно с «Роковыми яйцами» и имеющий два общих компонента: один – образный, другой – жанровый. В образном плане 3-ю главку рассказа «Отрок Григорий», которая предопределяет образ Рокка, можно было бы назвать «Кожаный антихрист». Мы приведем первый фрагмент главки целиком, чтобы продемонстрировать факт заимствования М.А. Булгаковым образа литературного прототипа – комиссара Чертова:

«Когда случился в семнадцатом году переворот жития, – не затронул он обители по самый двадцатый год, и текло все по-прежнему, и в закромах монастырских всякого изобилия было вдосталь. В белокаменной в это время самые большие господа, – князья, графы и даже комис-

сары требуху за счастье почитали лопать, а у нас в трапезной братия курятиной баловалась.

Но в двадцатом году прогневали мы создателя, отвернулся он от обители и напустил Вельзевул ангела своего святому месту на пагубу. Заявился из губернии **кожаный антихрист**, ваксой до блеску начищен, **с губительным пистолетом на боку и привез в кармане мандату**. Влез, не октясь, в келью к отцу игумену, самокрутка с зельем табачищем в поганом рту и зубы подлец скалит:

– Ишь ты, – говорит, – отче, сакевоаж отрастил. Ну пожди, я с вас жир спущу, в масло спахтаю. Читай мандату!

Развернул отец игумен бумагу, ручки дрожмя дрожат, но в лице величие владычное и во взоре суровость.

– Шапку бы снял, сыне. Зазорно перед ликом господним.

А антихрист на половик сплюнул и отцу игумену:

– И так ладно... Ты бы лучше господу треух надел, а то морозно старцу при такой лысине в январе.

Подъял игумен руку и возгласил гневно:

– Изydi, окаянный нечестивец! Предаю тебя проклятию. Анафема!

А антихрист – плюх в кресло игуменово и ну, хохотать!.. Хохотал, хохотал, ажно слезы по скулам бегут и речет под конец:

– Не надрывай пуза, отче! Не берет меня твое десятиклятие! Лучше читай мандату.

Авва-игумен опустил глаза в бумагу и зрит печать антихристову с блудною звездой, и от звезды багровое пламя лучами и серным духом воняет:

«По предписанию центра уполномочивается товарищ Чертов ликвидировать гнездо суеверий и народного обмана с обращением его в трудовую коммуны, а в случае сопротивления арест, включительно до репрессий».

А замест подписи неудобосказуемое имя стратига тьмы: «Предгубисполком». Сомлела братия от страху и стало ясно нам, что во истину адов посланец пожаловал и фамилия сатанинская – Чертов.

Долго рассказывать, как ругался над нами окаянный. Авва-игумен, не стерпевши поношения веры, на второй неделе помер заворотом кишок, – но только, как ни вертели, как ни служили тайно ночные молебны, как по ночам ни окуривали святым ладаном с горы Афона опоганенную келью, где жил кожаный антихрист – ничего не помогло» [2, с. 2].

В этом фрагменте и «Рок с бумагой» мерцает, и его «кожаная двубортная куртка»

с «кожаным картузом», «а на боку огромный старой конструкции пистолет» вырисовываются, и фамилия «антихриста» Рокка (по аналогии с Чертовым) вспоминается, и даже место действия (у Б. Лавренева монастырь-коммуна с курятиной в трапезной, у М.А. Булгакова – деревня Концовка с показательным совхозом по разведению кур) в некотором роде повторяется. М.А. Булгаков обыгрывает текст современника так, что создается впечатление нарочитой его интерполированности.

Художественная близость обеих текстов восходит к жанру популярного в 1920-е гг. сказа. О нем говорит манера речи повествователей. В процитированном отрывке событийную канву рассказчик ведет от 1917 г. размеренно, и приближается к кульминации, в августе 1922 г., лишь когда в монастыре случается беда. История персиковских мытарств в годы Гражданской войны, рассказанная в начале повести, схожа с таким же неторопливым и обстоятельным изложением событий. И там и здесь «жизнь человека идет, – по выражению Н.С. Лескова, – как развивающаяся со скалки хартия» [3, с. 415], – пока не случается «ужасное»:

«Отрок Григорий»:

«Когда случился в семнадцатом году переворот жития», «но в двадцатом году прогневали мы создателя», «подошел двадцать второй год», «но только в апреле, таким благорастворенным вечером, заявился в коммуны неведомый отрок с посошком и дорожную сумою» [2, с. 2-3].

«Роковые яйца»:

«16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV государственного университета и директор зооинститута в Москве Персиков вошел в свой кабинет, помещающийся в зооинституте, что на улице Герцена <...> В 1919 году у профессора отняли из 5 комнат 3 <...> Намерения своего относительно заграницы Персиков не выполнил, и 20-й год вышел еще хуже 19-го <...> Но все на свете кончается. Кончился 20-й и 21-й год, а в 22-м началось какое-то обратное движение <...> В 23-м году Персиков уже читал 8 раз в неделю – 3 в институте и 5 в университете, в 24-м году 13 раз в неделю и, кроме того, на рабфаках, а в 25-м, весной, прославился тем, что на экзаменах срезал 76 человек студентов и всех на голых гадах <...> Подобно тому, как амфибии оживают после дол-

гой засухи при первом обильном дожде, ожил профессор Персиков в 1926 году<...> Персиков ожил, и весь мир неожиданно узнал об этом, лишь только в декабре 1926 года вышла в свет брошюра <...>

А в 1927-м, осенью, капитальный труд в 350 страниц, переведенный на 6 языков, в том числе и японский: «Эмбриология пип, чесночниц и лягушек». Цена 3 руб. Госиздат.

А летом 1928 года произошло то невероятное, ужасное...»

И уж совсем близко стоят друг к другу в плане сказа лаврениевское и булгаковское эротические описания зрелого яблочного августу с безветрием, полнолунием и «таинственной колдовской ночью».

«Отрок Григорий»:

«Так и август подошел, и в конце стали снимать в саду яблоко и грушенье. А к Елевферию лукавый вплотную уже подобрался и в глаза туман уже напускает, и кажется Елевферию, что не яблоки в кучах в саду лежат, а девичьи перси. Похудел, с тела спал, но все крепился. Только пришла душная предгрозовая ночь. Жарынь, духота и томление. Отошла братия ко сну, а Елевферий лежит, на одре ворочается и стонет прямо. Мочи нет – плоть задушила, а сатана луну на стенку напустил и показывает разные соблазнительные прелестные облики, в положениях. Все губы себе искусал, голову водой ледяной поливал – не помогает.

И встал тогда с одра и нагой в потере сознания шаст в коридор, к соседней двери, и легонько: стук... стук... Пождал и снова: стук... стук...

И слышит из-за двери стеклянные колокольцы в тихий перезвон: – Кто там?

В голосе посохло, еле ответил: – Это я, Аленушка... Отвори, Христа ради!

За дверью ножки босые по полу прошлепали и у самой двери уже голосок: – А кто это?

– Я... Елевферий!

Щеколдочка тюкнула, приоткрылась дверка и в минуту туда Елевферий. Как уже они там промеж себя поладили, – ихнее дело, господь им судья, но только к утренней трапезе вышел Елевферий в полном здравии и в голосе даже довольствие и грохотание такое львиное, а отрок Григорий к столу еле доплел и под глазами синячищи, в монастырскую холеную сливу величиной. Сел за стол и глаз не подьмет».

«Роковые яйца»:

«Положительно нет прекраснее времени, нежели зрелый август в Смоленской хотя бы губер-

нии. Лето 1928 года было, как известно, отличнейшее, с дождями весной вовремя, с полным жарким солнцем, с отличным урожаем... Яблоки в бывшем имении Шереметевых зрели... леса зеленели, желгизной квадратов лежали поля... Человек-то лучше становится на лоне природы. И не так уж неприятен показался бы Александр Семенович, как в городе. И куртки противной на нем не было. Лицо его медно загорело, ситцевая расстегнутая рубашка показывала грудь, поросшую густейшим черным волосом, на ногах были парусиновые штаны. И глаза его успокоились и подобрали. <...>

* * *

Дни стояли жаркие до чрезвычайности. Над полями было ясно видно, как переливается прозрачный, жирный зной. А ночи чудные, обманчивые, зеленые. Луна светила и такую красоту навела на бывшее имение Шереметевых, что ее невозможно выразить. Дворец-совхоз, словно сахарный, светился, в парке тени дрожали, а пруды стали двухцветными пополам – косяком лунный столб, а половина бездонная тьма. В пятнах луны можно было свободно читать «Известия», за исключением шахматного отдела, набранного мелкой нонпарелью. Но в такие ночи никто «Известия», понятное дело, не читал... Дуня-уборщица оказалась в роще за совхозом и там же оказался, вследствие совпадения, рыжеусый шофер потрепанного совхозовского грузовичка. Что они там делали – неизвестно. Приютились они в непрочной тени вяза, прямо на разостланном пальто шофера. В кухне горела лампочка, там ужинали два огородника, а мадам Рокк в белом капоте сидела на колонной веранде и мечтала, глядя на красавицу-луну.

В 10 часов вечера, когда замолкли звуки в деревне Концовке, расположенной за совхозом, идиллический пейзаж огласился прелестными нежными звуками флейты. Выразить немислимо, до чего они были уместны над рощами и бывшими колоннами шереметевского дворца. Хрупкая трель из «Пиковой дамы» смешала в дуэте свой голос с голосом страстной Полины и унеслась в лунную высь, как видение старого и все-таки бесконечно милого, до слез очаровывающего режима.

– Угасают... Угасают... – свистала, переливая и вздыхая, флейта.

Замерли рощи, и Дуня, гибельная, как лесная русалка, слушала, приложив щеку к жесткой, рыжей и мужественной щеке шофера.

– А хорошо дудит, сукин сын, – сказал шофер, обнимая Дуню за талию мужественной рукой».

Вместо игумена Елевферия у М.А. Булгакова – довольный после грешной ночи по размножению змей Рокк, а вместо обнаженной при луне Аленушки – уборщица Дуня, «гибельная, как лесная русалка». И сравнение ее с русалкой – явно отсылающее к Аленушке. После обмана Елевферия «мещанская дочь из Тамбова Алена Плотникова» попытается повеситься и отравит родившегося младенчика керосином, а подобные действия русский народ квалифицировал как после смерти наказуемые, – девицы, самоубийцы, младенцы, то есть дети и юные, умершие неестественной смертью, причислялись им к разряду «заложных покойников» и русалок [4].

Образ Александра Семеновича Рокка хотя и собирательный, – имеет черты Наполеона², Ф.Э. Дзержинского, редактора газеты «Коммунист» и поэта Г.С. Астахова, Л.Д. Троцкого³, М.В. Фрунзе (умершего в октябре 1925 г.), Александра Рокоткова (по созвучию имени и фамилии персонажа с именем и фамилией поэта-декадента, организатора литературного кафе «Музыкальная табакерка»), Н.И. Махно и даже наркома ГБ СССР В.Н. Меркулова (о двух последних мы скажем в дальнейшем); собирательность эта имеет специальную цель – увести, запутать читателя, исследователя, цензора – столкнуть их с эзоповостью языка и эзотеричностью текста.

Между тем, в настоящее время на основе текстологического анализа повести можно с полной уверенностью сказать, что историческое лицо нами определено и фамилия с именем и отчеством прототипа установлены. Портрет Рокка принадлежит другому историческому деятелю, ростом значительно выше Наполеона и М.В. Фрунзе, но также крупному полководцу и армейскому организатору, попавшему под сталинские репрессии в очень необычном виде – уже через год после 26 августа 1936 г. – даты почетного захоронения в кремлевском колумбарии – он был объявлен «врагом народа», а его прах, по слухам, «был без шума изъят из Кремлевской стены» [8]. Таким «неуспокоенным мертве-

² В дополнение к «наполеоновскому мифу», проанализированного Яблоковым [5], см. также шуточную пьесу Б. Шоу «Муж рока», где под главным образом выведен Наполеон [6].

³ Подробнее см. [7, с. 614].

цом» стал Главнокомандующий РККА Сергей Сергеевич Каменев (1881–1936). С сентября 1918 г. по июль 1919 г. С.С. Каменев по личному распоряжению В.И. Ленина командовал Восточным фронтом, нанеся сокрушительные удары по армии А.В. Колчака, а с июля 1919 г. по апрель 1924 г. являлся Главнокомандующим Вооруженными Силами и возглавлял операции против А.И. Деникина, Н.И. Махно, П.Н. Врангеля, белополяков, восстаний на Тамбовщине и в Карелии, басмачества в Туркестане. То ли непомерное тщеславие будущего вождя И.В. Сталина, уже тогда мнящего себя верховным главнокомандующим и генералиссимусом, то ли демократичный стиль руководства и вольнолюбивый характер главкома, раздражающие по любому поводу тоталитарную личность, то ли чисто стратегические и тактические разногласия, происходящие между С.С. Каменевым и И.В. Сталиным еще со времен боев на Кавказе и в Польше, то ли действительное участие в подготовке вооруженного переворота в Кремле, но имя Сергея Сергеевича Каменева надолго было вытравлено из памяти людской, вычеркнуто из отечественной истории, некоторым образом замесившись в сознании людей другим «врагом народа» – Львом Борисовичем Каменевым. Между тем повесть «Роковые яйца» в довольно значительной степени проливает свет на эту одну из самых ярких фигур ленинского окружения.

С С.С. Каменевым автора повести М.А. Булгакова роднила некоторая близость судеб. Проще говоря, они могли встречаться друг с другом в одних и тех же местах. Оба родились в Киеве, мечтали стать врачами, служили на Смоленщине: М.А. Булгаков с сентября 1916 г. по февраль 1918 г. исполнял обязанности земского врача в Никольском и заведующего отделением в Вязьме, С.С. Каменев весной–летом 1918 г. занимал должности военного руководителя Невельского района Западной завесы, а затем помощника главного руководителя всей Западной завесы со штабом в г. Смоленске. Гражданская война, разведшая земляков по разные стороны Юго-Западного фронта, вновь столкнула их – в Москве. Заочно, когда в 1925 г. издание ленинградской «Красной газеты» «Красная панорама» печатала в сокращении «Роковые

яйца» под названием «Луч жизни» и продолжала незадолго до этого по инерции подписывать фотографии С.С. Каменева названием упраздненной должности «главкома РККА»⁴, и, возможно, очно. С.С. Каменев, как и его земляк М.А. Булгаков, был театральным завсегдатаем и большим поклонником классической музыки. Высшие чины РККА вообще не обходились без музыки и театра – ближайший сподвижник С.С. Каменева М.Н. Тухачевский считался «большим ценителем музыки, эстетом, поклонником Бетховена» [9], а А.И. Егоров после первой русской революции избрал профессию певца: «После стажировки в Италии он в 1909 г. вернулся в Россию и стал выступать на оперной сцене», но «начавшаяся Первая мировая война заставила офицера запаса вновь надеть военную форму»⁵.

Какие же детали говорили в пользу того, что проведенный эксперимент по выведению новых советских цыплят и бесследно исчезнувший на новой «Смоленской дороге» – железнодорожной станции Дугино на курьерском поезде в направлении Москвы Рокк являлся никем иным, как победителем в Гражданской войне С.С. Каменевым? Во-первых, сама фамилия Рокка по фонетическому созвучию Рокк – РККА содействует идентификации ее с главкомом и одним из первых создателей Красной армии. Во-вторых, бывшая работа Рокка в ансамбле «маэстро Петухова» в качестве музыканта, его флейта, а также исполняемые на ней вальс из оперы «Евгений Онегин» и «трель» из оперы «Пиковая дама» выражают, как уже сказали, любовь главкома к театру и классической музыке. В-третьих, исчезновение Рокка на поезде с агентом ГПУ и последнее прощание с командармом 1 ранга (имеющим четыре ромбообразные «шпалы» в петлице) С.С. Каменевым у Кремлевской стены совпадают по календарному времени: первый исчезает в «зрелом августе» под выстрелы Щукина и Полайтиса в мятежной Шереметевке, прах второго погребают под залп ору-

⁴ См., напр., передовицу «Красной панорамы»: Фрунзе М. На страже СССР (К VII-летию Красной Армии. Фото: К пребыванию тов. Каменева в Ленинграде. Фото: Главком РККА тов. Каменев // Красная панорама. 1925. № 8. С. 7-8.

⁵ Деникин. URL: <https://scibook.net/istoriya-rossii/denikin-30961.html> (дата обращения: 27.03.2018).

дия 26 августа 1936 г. Даже железная дорога в этом случае выступает неким аксиальным эквивалентом: знаковым образом «Красной армии главкомов», воспетых впоследствии в советской поэзии по детали обмундирования – петлицам на воротниках:

В петлицах шпалы боевые
за легендарные дела.
По этим шпалам вся Россия,
как поезд, медленно прошла [10, с. 222].

В-четвертых, проживание Рокка до революции в украинском городе Екатеринославле, губернском центре махновской «столицы» Гуляй-поля, указывал на тесное сотрудничество С.С. Каменева с Н.И. Махно, который долгое время оставался его союзником: по некоторым сведениям, в 1919 г. за взятие Екатеринославля ему был вручен орден Красного Знамени⁶; в-пятых, намекает на С.С. Каменева оружие, разрешенное Рокку для ношения в мирное время: «огромный старой конструкции пистолет маузер в желтой кобуре». Маузер действительно имел место в жизни главкома. Только находился он не в желтой кобуре, а крепился за специальное колечко на рукоятке, так как являлся наградой, предназначенной для украшения. Получил его С.С. Каменев 5 января 1921 г. в качестве почетного оружия. Каменевский именной пистолет «маузер» был утяжелен пластинами из желтого металла со словами «РСФСР», «ВЦИК», «Сергею Сергеевичу Каменеву» и был украшен орденом Боевого Красного Знамени на рукоятке. После же того, как Президиум ЦИК СССР 12 декабря 1924 г. утвердил Положение «О награждении лиц высшего состава РККА и Флота Почетным революционным оружием», к маузеру прикрепилась серебряная пластина с надписью: «Честному воину РККА от ЦИК Союза ССР». Такой награды, кроме С.С. Каменева, удостоился тогда только один краском – С.М. Буденный. А вот в огромной желтой деревянной кобуре любил демонстрировать обычный маузер Н.И. Махно. В-шестых, заслуживает внимания передвижение Рокка как участника Гражданской войны:

⁶ Орден Красного Знамени // Военное обозрение. 2013. 18 дек. URL: <https://topwar.ru/37460-boevye-ordena-i-medali-sovetskogo-soyuza-orden-krasnogo-znameni.html> (дата обращения: 12.03.2018).

«Играл на флейте сам заведующий совхозом Александр Семенович Рокк, и играл, нужно отдать ему справедливость, превосходно. Дело в том, что некогда флейта была специальностью Александра Семеновича. Вплоть до 1917 года он служил в известном концертном ансамбле маэстро Петухова, ежевечерно оглашавшем стройными звуками фойе уютного кинематографа «Волшебные грезы» в городе Екатеринославле. Но великий 1917 год, переломивший карьеру многих людей, и Александра Семеновича повел по новым путям. Он покинул «Волшебные грезы» и пыльный звездный сатин в фойе и бросился в открытое море войны и революции, сменив флейту на губительный маузер. Его долго швыряло по волнам, неоднократно выплескивая то в Крыму, то в Москве, то в Туркестане, то даже во Владивостоке. Нужна была именно революция, чтобы вполне выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этот человек положительно велик, и, конечно, не в фойе «Грез» ему сидеть. Не вдаваясь в долгие подробности, скажем, что последний 1927 и начало 1928-го года застали Александра Семеновича в Туркестане, где он, во-первых, редактировал огромную газету, а засим, как местный член высшей хозяйственной комиссии, прославился своими изумительными работами по орошению туркестанского края.

Дело в том, что все, что здесь перечислено – это славные вехи и крупные удачи С.С. Каменева на театре военных действий Гражданской войны, почти на всех ее направлениях, правда, в несколько смешанном порядке: заигрывание с Н.И. Махно в г. Екатеринославле для совместных выступлений против белых, военные кампании против адмирала А.В. Колчака на восточном направлении (Владивосток), против генерала А.И. Деникина на московском направлении (Москва) и генерала П.Н. Врангеля на южном (Крым), против Энвер-паши на Южном фронте (в Туркестане). Первая и последняя вехи воинского пути командарма, как видно из текста, особенно обыгрываются писателем, так как обозначаются личным участием С.С. Каменева: встречей с анархистом Н.И. Махно и выездом в Туркестан для непосредственного руководства ходом военной кампании.

В-седьмых, самой важной деталью идентификации прототипа является место, выбранное Рокком для образцово-показательного совхоза «Красный луч», – усадьба Шереметевка, расположенная сразу возле двух

населенных пунктов: деревни Концовки и села Никольского Смоленской губернии. Что до села Никольского, из которого звонил Рокк профессору Персикову для консультации по поводу яиц, то оно находится в месте начала медицинской деятельности писателя, а вот Шереметевка с Концовкой приходится на завершение военной карьеры С.С. Каменева, о чем мы сейчас подробно скажем.

Чем же обусловил М.А. Булгаков размещение Шереметевки и Концовки в Смоленской губернии и действительно ли такие населенные пункты находились в ней? Чтобы точно ответить на этот непростой вопрос, мы вновь обратимся к биографии С.С. Каменева, добавив к этой биографии детали биографий его единомышленников: М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова и П.К. Ощепкова. Как уже указывали, именно на Смоленщине С.С. Каменев начинал свою службу в рядах Красной армии в качестве помощника руководителя Западной завесы, именно здесь началась его стремительная военная карьера, достигшая небывалого размаха в масштабах всей страны. Но здесь он впервые и споткнулся. Другими словами, на Смоленщине скрывалась та крупная неудача, которая произошла уже в бытность его главкомом. Смоленщина и ее выдуманная деревня Концовка стали, выражаясь народным языком, началом конца героя. Здесь размещался его штаб, когда последние сражения с белополяками завершились полным провалом лично разработанной им операции по захвату буржуазной Польши, – и чуть было не окончились полным разгромом Первой Конной: понесся огромный потери, легендарная армия прорвалась из окружения. Неприглядную страницу советской военной истории – варшавскую операцию – советская военная историография предпочла заштриховать, роль С.С. Каменева в поражении взвалить на плечи председателя РВСР Л.Д. Троцкого, и только военные историки знали, кто в первую очередь скрывался в их трудах за «некоторыми военными работниками»:

«...некоторые военные работники, – писалось в одном официальном военном труде сталинской поры, – во главе с Троцким считали, что основной политической целью войны с нашей стороны является подталкивание, ускорение революции в Польше, привнесение в Европу революции извне,

на штыках Красной армии. На западном фронте под влиянием этих троцкистских взглядов сложилась даже, как указывал старый большевик, покойный Степанов-Скворцов, лично побывавший в 1920 г. на западном фронте, своеобразная «новая военная школа», «для которой война просто средство быстрее продвижения, распространения революции». Без осуществления этой цели самое существование Советской республики и тем более победа социализма в нашей стране, остающейся в окружении капиталистических стран, казались Троцкому и его сторонникам невозможными. Вот почему Троцкий, в противовес утверждениям Ленина и Сталина, заявлял, что «польский фронт есть фронт жизни и смерти для Советской республики» [11].

Вот и оказался неудачный финал военной кампании под прицелом сатирика. С изрядной долей сарказма показывал этот финал М.А. Булгаков в описании западной границы распространения куриной чумы. В трех сторонах света географические границы куриного «мора» обуславливались природными факторами, и лишь на западе – военными:

«Дойдя на севере до Архангельска и Сьюмкина Выселка, мор остановился сам собой по той причине, что идти ему было дальше некуда, – в Белом море, как известно, куры не водятся. Остановился он и во Владивостоке, ибо далее был океан. На далеком юге – пропал и затих где-то в выжженных пространствах Ордубата, Джудьбы и Карабулака, а на западе удивительным образом задержался как раз на польской и румынской границах. Климат, что ли, там был иной или сыграли роль заградительные кордонные меры, принятые соседними правительствами, но факт тот, что мор дальше не пошел».

Поэтому то обстоятельство, что для опытов бывшим краскомом Рокком была избрана деревня Концовка Смоленской губернии – имело самое прямое отношение к репрессированному посмертно. Неупокоенная душа вернулась, в конце концов, к началу рокового пути – в свои родные пенаты на Смоленщине. Возможно, только этим и можно объяснить униформу, в которой Рокк предстал перед профессором:

«Он был страшно старомоден. В 1919 году этот человек был бы совершенно уместен на улицах столицы, он был бы терпим в 1924 году, в начале его, но в 1928 году **он был странен**. В то время, как наиболее даже отставшая часть проле-

тариата – пекаря – ходили в пиджаках, когда в Москве редкостью был френч – старомодный костюм, оставленный окончательно в конце 1924 года, **на вошедшем была кожаная двубортная куртка, зеленые штаны, на ногах обмотки и штиблеты**, а на боку огромный старой конструкции пистолет маузер в желтой кобуре. Лицо вошедшего произвело на Персикова то же впечатление, что и на всех – **крайне неприятное впечатление**. Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями. **Лицо иссиня-бритое. Персиков** сразу нахмурился (выделено мною. – В. К.)».

Попутно отметим, что внешний вид Рокка мог быть навеян М.А. Булгакову оккультным романом «Лунное Дитя» (1917) известного британского писателя А. Кроули, одного из самых популярных адептов белой магии. Сюжет произведения строился на борьбе магов путем создания и разрушения астральных двойников, довольно редком явлении в области художественной литературы, поэтому стоит обратить внимание на детали романа, повлиявшие, возможно, на образы героев-протагонистов в «Роковых яйцах». Отмеченные жирным шрифтом в тексте слова оттеняют не только явное сходство в обликах Рокка и кроулевского персонажа Арнольда, но и объясняют причину переодевания Рокка – «прикинуться шутом, чтобы отвлечь внимание людей»:

«Из глубины одного из кресел раздался стон, полный невыразимой тоски:

– Может, кто-нибудь даст мне **персик**?

Этот голос – резкий, гулкий – принадлежал американцу с **синими от бритья щеками** и крутым подбородком. **Одет он был довольно странно**, если не сказать безвкусно: **на нем была греческая хламида, на ногах – античные сандалии**. Трудно подобрать мало-мальски философское объяснение тому, отчего сочетание подобного костюма с чикагскими физиономией и выговором производит **отталкивающее впечатление**. Однако это было именно так. Это был Арнольд, брат Лавинии, и наряд свой он носил как бы в целях рекламы: это было частью той игры, в которую играло все семейство. Какому-нибудь близкому другу он мог бы, наверное, объяснить это так: я прикидываюсь шутком, чтобы отвлечь внимание людей и, пока они будут меня разглядывать, спокойно обшарить их карманы.

– Кто сказал «**персик**»? – отозвался другой спящий, молодой еврей-художник, вообще отли-

чавшийся необычайным чутьем (выделено мною. – В. К.)» [12, с. 290].

На то, что знаменитый в свое время главком не упокоился, и его спиритический двойник уже стоит за страницами главы «История в совхозе» тогда, когда трагедия освобождения от скорлупы яйца еще не произошла, намекает собачий вой. И здесь речь может идти не о текстуальной интерполяции, безусловно, она имеет право на существование в рамках народного поверья «собаки воют к покойнику»⁷, а о некоторой модели западной литературной традиции, выражающейся в том, что смерть в ней окрашивается черным юмором буффа, экзерсиса, озорничашего над всеми и всем.

Посмотрим на один любопытный текст времени написания повести – рассказ немецкого писателя Р. Пресбера, продолжателя траурной юмористики необыкновенно популярного в России николаевской эпохи французского прозаика О. Мирбо, и добавим еще один штрих к мистификационной струе повествования в «Роковых яйцах». Рассказ назывался «Последний пир последнего из Бирковичей» и входил в сборник рассказов «Красный осел», выпущенный московским акционерным издательством «Огонек» в 1928 г. Фабула в нем несколько напоминает бунинскую – из рассказа «Господин из Сан-Франциско», но построена в карнавальном свете. Умерший барон Клаус Иоахим фон Биркович, говорилось в рассказе, во время игры с собакой по кличке Тобби XIII неожиданно скончался, но супруга решила не нарушать привычного приема гостей, отложила смерть скоропостижно почившего мужа и посадила наряженного во фрак покойника в приветственной позе. Слуга объявлял о плохом самочувствии хозяина, гости проходили через желтый зал в голубой и в приоткрытой двери полутемной спальни видели «радующегося» хозяина дома, нисколько не догадываясь о его необычном состоянии. Далее же ситуация напоминала булгаковскую: собака Бирковичей вела себя точно так же, как собаки в деревне Концовка, но вместо уборщицы

⁷ Точнее, «Собака воеет книзу (к земле), к покойнику;верху, к пожару» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. С. 251).

и шофера на собачьем концерте присутствовали судомойка и кондитер. Мы приведем отрывки из обоих произведений, чтобы увидеть не просто фольклорный момент, а схожую ситуацию, возникающую в атмосфере буфф и гротеска: пресберовский экзерсис озорничал и буйствовал над аристократией немецкой, булгаковский – над аристократией красной в лице его исконного «типа» Рокка и стоящего за ним первого командарма Гражданской войны:

«Последний пир последнего из Бирковицей»:

«Одно только существо было омрачено: Тоби XIII. Запертый в уборной, возле кухни, он ужасно выл, выл непрерывно, несмотря на внушительную трепку нервной кухарки. Выл громко и жалобно.

Глупая, светловолосая, голубоглазая судомойка, только недавно приехавшая из деревни, заметила кондитеру:

– А у нас в деревне так воют собаки, когда в доме покойник» [13, с. 32].

«Роковые яйца» (последний концерт Рокка):

«Дуня-уборщица оказалась в роще за совхозом и там же оказался, вследствие совпадения, рыжеусый шофер потрепанного совхозовского грузовичка <...>

Концерт над стеклянными водами и рощами и парком уже шел к концу, как вдруг произошло нечто, которое прервало его раньше времени. Именно, в Концовке собаки, которым по времени уже следовало бы спать, подняли вдруг невыносимый лай, который постепенно перешел в общий мучительный вой. Вой, разрастаясь, полетел по полям, и вою вдруг ответил трескучий в миллион голосов концерт лягушек на прудах. Все это было так жутко, что показалось даже на мгновение, будто померкла таинственная колдовская ночь <...>

Следующий день ознаменовался страннейшими и необъяснимыми происшествиями <...> – опять взвыли собаки в Концовке, и ведь как! Над лунными полями стоял непрерывный стон, злобные тоскливые стенания».

Символизм смоленской Концовки не обходился ни без мистерии, ни без истерии. Мистерии в том смысле, что Рокк играл роль шута-«антихриста» из новозаветной драмы Иоанна Богослова о конце времен. В истерии

же – прочитывались реальные стороны человеческих судеб вообще – сквозь ту аллерию, которая называется в Новом Завете «избиением младенцев». Как известно, чтобы умертвить родившегося под Вифлеемской звездой божественного младенца, представитель старой духовной парадигмы Ирод Великий перебил всех младенцев мужского пола «в возрасте до двух лет». Практически то же произошло и в России. Все «младенцы», родившиеся под роковой звездой РККА (иносказательно, командиры, вступившие в нее в «суровом и страшном» 1918 г.) и одержавшие победы на фронтах Гражданской, подлежали истреблению. В каждом, казалось, скрывался «вождь и создатель Красной армии» Л.Д. Троцкий, «крышевавший» военспецов. Не случайно же, за исключением С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова, обреченных на гибель и чудом, путем невероятных потерь в Первой конной армии, прорвавшихся тогда из польского котла к частям армии А.И. Егорова, к которой был приписан член РВСР И.В. Сталин, трое других главных исполнителей решений председателя РВСР против панской Польши стали позже «врагами народа»: А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский и сам главнокомандующий С.С. Каменев.

А штрихи неудачной польской войны лета 1920 г. М.А. Булгаков накладывал повсюду. Карикатурность его не смущала – за него было кому заступиться. Даже С.М. Буденный, если бы и увидел себя в зеркале сатиры, не смог бы покуситься на неприкосновенность создателя, – слишком многочисленными становились шлюзы искусственных каналов, орошающих с севера Москву, и все меньше словесных острот оставалось в запасе у маршала.

Перечислим по повести основные моменты этого похода, чтобы ярче представить меру вины, вменяющейся главкому на всем протяжении строительства армии нового образца, попавшему в самый черный список, объединенный словами «военно-фашистский заговор». В главе 6 «Москва в июне 1928 года» завывали мальчишки-газетчики: «Польша готовится к кошмарной войне!!». В главе 8 «История в совхозе» «тихо шипел» «шар в 15000 свечей», указывая на численное количество советских войск в начале польской кампании; обрисовывались бронетанковые

войска, широко использовавшиеся Польшей и попадавшие в плен [14]:

«– Эх, выведу я цыпляток! – с энтузиазмом говорил Александр Семенович, заглядывая то с боку в контрольные прорезы, то сверху, через широкие вентиляционные отверстия, – вот увидишь... Что? Не выведу?»

– А вы знаете, Александр Семенович, – сказала Дуня, улыбаясь, – мужики в Концовке говорили, что вы антихрист. Говорят, что ваши яйца дьявольские. Грех машиной выводить. Убить вас хотели».

В 11-й главе прямо и открыто припоминался начальный этап кампании – поход С.М. Буденного по освобождению российских территорий от белополяков: «впереди шеренг на лошади, в таком же малиновом башлыке, как и все всадники, едет ставший легендарным десять лет назад, постаревший и поседевший командир конной громады». А в главе 12 «Морозный бог на машине» маркировался неудачный варшавский финал: «Конная армия под Можайском, потерявшая три четверти своего состава, начала изнемогать» (потери прорвавшейся из окружения Первой конной случились на польской территории, Можайск же происходил не от подмосковного Можайска, а от «крепкого русского словца» – фразеологического оборота «за можай загонишь»).

Наконец, за агентами со станции Дугино Полайтисом и Щукиным скрывались непосредственные участники военной операции против белополяков – командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский и командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров. Что касается М.Н. Тухачевского, то новая фамилия его в повести объясняется просто: род Тухачевских имел литовское происхождение, а вот А.И. Егоров стал Щукиным по трудно объяснимым причинам. Скорее всего, ономастика имела фольклорное объяснение, строящееся на фразеологизмах русского языка: «объегорить» (обмануть) – «ущучить» (поймать) – «щучье везенье» (везучий человек). Так вот: то ли, выражаясь простонародным языком, «объегоривал» он вождя – и действительно «во время революции 1905–1907 участвовал в карательных операциях на Кавказе», а «(в советское время с целью скрыть свое участие в подавлении

восстания А.И. Егоров пустил слух, что в это время он был оперным певцом в Италии)»⁸, – и «ущучить» в обмане «врага народа» долго не получалось (И.В. Сталин лично вычеркивал его фамилию из списка 139 расстрельных в 1938 г.), то ли «щучье везение» ему изменило – пытки в подвалах НКВД были продолжительными, а смерть окутана подледной тайной: по одним сведениям, его расстреляли в День Красной армии 23 февраля 1939 г., по другим – красный маршал «умер, отбывая наказание, 10 марта 1941 года» [15]. По крайней мере, с каким упорством минимализировалась и нивелировалась роль маршала в истории, волею рока идущего плечом к плечу со И.В. Сталиным на самых ответственных участках фронтов Гражданской войны, с такой же степенью вырастала доля гротеска в булгаковском тексте, а текст, как мы уже знаем, пропитывался воздухом мистерии, фарса и буффа.

Играл этот буфф А.И. Егоров особым способом. Он возглавлял буффонную пару Щукин – Полайтис. В 9 главе «Живая каша» именно Щукин, «отличавшийся огромной, почти цирковой силой, стал палец за пальцем отгибать и отогнул все» с флейты Рокка, и именно он «склонялся к мысли, что из города Грачевки, где в настоящий момент гастролирует цирк, убежал удав-констриктор», и именно Щукин нацепил на пояс «блестящую электрическую игрушку» – «электрический револьвер».

Блестящий револьвер в данном случае как нельзя лучше намекает в повести на гвоздь цирковой программы – выступление дрессированных львов, так как блестящие револьверы на поясе в те годы носили лишь укротители львов в цирках, да клоуны. Хлопки холостых выстрелов возбуждали животных и зрителей, и в цирковых рядах (как в массовом кинематографе) действовал эффект супергероя.

История жизни одного из таких укротителей описывалась в книге французского натуралиста А. Тэтара «Укротители». Она была напечатана в Москве в 1931 г. в издательстве «Молодая гвардия», могла войти в круг чтения М.А. Булгакова и косвенным образом

⁸ Егоров Александр Ильич (Маршал Советского Союза). URL: <https://persona.rin.ru/view/f/0/33063/ego> (дата обращения: 27.03.2018).

повлиять на ход редакций «Роковых яиц». В главе «Укротитель поневоле» рассказывалось, как цирковой музыкант поневоле стал укротителем хищных львов. Попав однажды в клетку и боясь быть съеденным, он использовал кнут, а в другой раз, разнимая дерущихся зверей, впервые в истории цирка применил пистолет, огонь и выстрелы которого обратили животных в панику [16, с. 52]. Выстрелы из «блестящей игрушки» Щукина и звуки «пулеметика» Полайтиса «чах-чах-чах-чах» весьма напоминают, по моему мнению, трюки «укротителей» диких зверей на арене цирка и шутки клоунов.

Сымитировав сразу несколько цирковых номеров – силача (Щукин), выезд укротителя диких зверей (Щукин и Полайтис), выход заклинателя с флейтой (Рокк), фокусника («три темных, словно фотографических, огромных ящика»), красавицы с удавом (Маня с анакондой), текст писателя в главе «Живая каша» выступил в качестве циркового перерыва в смене номеров. «Агент»-клоун (с напарником-помощником) заполнили перерыв, и, как и положено клоунам, устроили настоящий хоррор. Читатель мог расслабиться, переключиться, позабавиться, – в отличие от подвалов ЧК он не страшился циркового гильона: история про «живую кашу» в совхозе вызывает не больше трепета и ужаса, чем «распятая лягушка на штативе», – лягушку на форме христианского распятия становится жалко, а агентов при всех подробностях их расчленения и умерщвления – вряд ли. «Электрическая игрушка» Щукина, как и «пулеметик» Полайтиса, внесли в текст ту значительную долю условности, которая отвечала в смехопанораме буфф за сценическую часть с «громом» и фейерверком.

Еще одна деталь в буффонной организации образа А.И. Егорова, как уже было отмечено, привлекает внимание, – выдает маршала его «цирковая сила». Известно, что перед тем как поступить в казанское юнкерское пехотное училище (оконч. 1905 г.), А.И. Егоров шесть лет работал кузнецом, а в войсках славился силачом, – гнул подковы и поднимал тяжести, что в те годы всегда ассоциировалось с цирковой ареной.

Буффон Щукина–Полайтиса практически связал две главы – главу 8 «История в совхозе» и главу 10 «Катастрофа». Во-

первых, разжав пальцы на флейте Рокка, он принял те аккорды, которые в клоунаде носят название какофонии («истошный визг пронзил весь совхоз, разросся и взлетел, а вальс запрыгал как с перебитой ногой») и добавил свето-акустические эффекты: электрические разряды в виде молний. Во-вторых, в новом номере клоунского шоу буффон повторил смерть жены какофониста Рокка. Здесь и змея оказалась та же самая, – что кинулась к Мане – «как пружина», «оливковая», «пятисаженная» и подобралась к жертве она из укрытия (из «лопухов» к Мане и из «подвального окна» к Щукину). В-третьих, смерть предшественницы Щукина также не вызывала чувства трагедийности, превращала трагедию в фарс, в дьяблерию, в цирковой трюк, в новую интермедию трикстера Рокка, «антихриста», заварившего перед «катастрофой» поминальную «живую кашу». Лукавый сплетник, древний как мир ябедник и плут, спародировал в заключение своего пребывания в революционной России телодвижение и жесты библейских пророков и словесные формулы из житий святых:

«Полайтис полагал, что вообще ничего не было, а просто-напросто Рокк душевнобольной и у него была страшная галлюцинация. Щукин же склонялся к мысли, что из города Грачевки, где в настоящий момент гастролирует цирк, убежал удав-констриктор. Услышав их сомневающийся шепот, Рокк привстал. Он несколько пришел в себя и сказал, простирая руки, как библейский пророк:

– Слушайте меня. Слушайте. Что же вы мне не верите? Она была. Где же моя жена?»

Любопытно, но, пожалуй, самые «удавные» эпизоды в повести – смерть Мани и Щукина и гипотезу Щукина о сбежавшем из цирка в Грачевке удаве-констрикторе – М.А. Булгаков мог позаимствовать из № 43 (85) за 23 октября 1925 г. журнала «Красная панорама», иллюстрированного приложениями к рабочей «Красной Газете», где, как мы уже говорили, несколькими месяцами раньше были уже в сокращении опубликованы «Роковые яйца» (№ 19, 20, 21, 22, 24). В этом номере был напечатан рассказ английского писателя У. Аллена с похожим названием «Роковой опыт», – он отличался необычным, экзотическим содержанием в разряде колони-

альных новинок. Молодой англичанин, имеющий кофейную плантацию в Бразилии, – говорилось в рассказе, – попытался излечить от герпетофобии свою жену Еву, убил боа-констриктора, труп змеи привез в спальню супруги, запер женщину на ключ и стал ждать психической адаптации. Но вместо излечения последовала неожиданная смерть. Приползший «по следам своей убитой подруги» самец-боа задушил Еву:

«Я только что собрался проникнуть в комнату через окно, мимо мертвой змеи, – передавал леденящую кровь историю дрожавшей собеседнице вдовец, – как с ужасом отпрыгнул назад и закричал, закричал от невыносимого ужаса. Я закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Я хотел заставить себя кинуться вперед и не мог двинуться с места. Ева лежала около своей кровати, а вокруг нее, вокруг ее шеи, груди, талии, постепенно стягивая кольца... Я не могу рассказать... Это страшно... Я пристрелил боа, а затем убил и Еву, чтобы избавить ее от мучений»⁹.

Черты змеи небывалого роста, как уже отмечалось выше, могли быть списаны с образа «дерева-зверя», чудовища из рассказа Р. Маркети «Изобретение профессора Картера», опубликованного в «Красной панораме» в № 30 за 1926 г. Таким образом, вновь находят факты, говорящие о том, что текст «Роковых яиц» писался после официального датирования произведения.

Журнал, к которому мы отсылаем внимание читателя, влиял на написание повести до и после ее официальной публикации, – писатель был активным читателем «Красной панорамы». Из «Красной панорамы», возможно, пришли к М.А. Булгакову такие детали отношений Щукина с Рокком, как экспроприация спасительной флейты, поза рук библейского пророка и «безвестная пропажа» Рокка. В № 2 (20) за 1924 г. помещался рассказ известного польского прозаика А. Шнитцлера с характерным названием «Рок». Суть рассказа А. Шнитцлера состояла в том, что некий фокусник, хиромант и гипнотизер по имени Марко Поло предсказал офицеру и одновременно автору пьесы ситуацию, в которой он окажется ровно через 10 лет. Как бы ни хотел избежать такой ситуации автор, как бы ни шел он на «борьбу с

роком», эта борьба только ярче подтверждала «таинственное предсказание» мага, в котором финал собственной пьесы неожиданно совпал с ролью актера, которую он сыграл сам. Следует отметить, что личная судьба автора не вызвала аллюзий с «Роковыми яйцами», они касались персонажа второстепенного – флейтиста Кальстрока, школьного учителя: силы, вызванные Марко Поло, дурно действовали на музыканта.

«Что всего таинственной во всей этой истории, – подытоживал рассказ Шнитцлер, – это то, что школьный учитель, который со сбитым париком и вытянутыми руками в тот вечер прошел по сцене, исчез навсегда. Никто его больше никогда не видал»¹⁰.

Кстати, кроме исхода судьбы флейтиста Александра Рокка, дополнительным штрихом к рассказу А. Шнитцлера «Рок» явилась его фамилия, которая в повести один раз искажалась. Во время первого визита заведующего будущего совхоза извещение Панкрата о приходе «Рокка <...> с казенной бумагой с Кремля» обыгрывалось с язвительной нотой: «– Рок с бумагой? Редкое сочетание».

Полайтис с Щукиным и погибают от крокодило-змеиных натисков в той последовательности, в какой на красных маршалов подписывают смертельные приговоры: первым в 1937 г. расстреляли М.Н. Тухачевского, в 1939 г. А.И. Егорова. Наконец, и экипируются агенты самым враждебным образом, правда, таким, про который сразу и не догадаешься, – придворная карикатура требовала сакраментального знания, а сакраментальным знанием могли обладать только двое – царь и царедворец, Заказчик и Исполнитель, в нашем случае И.В. Сталин и М.А. Булгаков.

Список литературы

1. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте: коллективная монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 170–188.

⁹ Красная панорама. 1925. № 43 (85).

¹⁰ Красная панорама. 1924. № 2 (20). С. 2–4, 9.

2. *Лавренев Б.* Отрок Григорий // Красная панорама. 1925. № 23.
3. *Эйхенбаум Б.* О литературе. Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987.
4. *Зеленин Д.К.* К вопросу о русалках (Куль покойников, умерших неестественною смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / вступ. ст. Н.И. Толстого; сост. А.Л. Топоркова; подготовка текста Т.А. Агапкиной; коммент. Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой и др. М.: Изд-во «Индрик», 1994. С. 230–298.
5. *Яблоков Е.А.* Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997. С. 34–36.
6. *Шоу Б.* Трущобы. Муж рока // Шоу Б. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-е В.М. Саблина, 1910. Т. 3.
7. *Соколов Б.В.* Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо, Алгоритм, Око, 2005.
8. *Горелов Д.* Рожденные хватами. Кто на самом деле выиграл в Гражданской войне // Известия. 2013. 27 февр.
9. *Дядко Т.* Советские командиры. Михаил Николаевич Тухачевский // Дилетант. Исторический журнал для всех. URL: <http://diletant.media/articles/35110234/> (дата обращения: 22.03.2018).
10. *Смеяков Я.В.* Командармы Гражданской войны // Смеяков Я.В. Избранное. М.: Худож. лит., 1986.
11. *Рабинович С.* История Гражданской войны. URL: http://militera.lib.ru/h/rabinovich_s/index.html (дата обращения: 22.03.2018).
12. *Кроули А.* Лунное Дитя // Кроули А. Книга Закона. Книга Лжей. Лунное Дитя. М.: Остожье, 1998.
13. *Пресбер Р.* Последний пир последнего из Бирковичей // Пресбер Р. Красный осел. Рассказы / пер. с нем. Д.Л. Кармен. М.: Акц. изд. об-во «Огонек», 1928. С. 23–33.
14. *Шмелев И.А.* Бронетанковые войска Польши 1918–1939 гг. URL: http://www.xliby.ru/transport_i_aviacija/tehnika_i_vooruzhenie_1999_09/r2.php (дата обращения: 22.03.2018).
15. *Митюрин Д.В.* Гражданская война: белые и красные. СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 2004.
16. *Тэттар А.* Укротители / перераб. и пер. с фр. С. Анненковой и Ек. Андреевой. М.: Молодая гвардия, 1931.

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.

Отрецензирована 15.05.2018 г.

Принята в печать 29.06.2018 г.

Окончание следует.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С.С. Каменев и его окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 15. С. 39–53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-39-53.

**“ALEKSANDR SEMENOVICH ROKK”: CHIEF COMMANDER OF THE WORKERS'
AND PEASANTS' RED ARMY S.S. KAMENEV AND HIS SURROUNDINGS
IN THE NOVEL BY M.A. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”**

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The historical and political prototypes are the material for the creation of bright and memorable images in the novel by M.A. Bulgakov “Fatal eggs” are described: A.S. Rokk (chief commander of the Workers' And Peasants' Red Army S.S. Kamenev), Polaitis (Marshal M.N. Tukhachevsky), Shchukin (A.I. Egorov), “red-moustached driver” (a talented scientist-inventor, engineer of III rank P.K. Oshchepkov). We determine theatrical and genre sources that influenced the creation of images: mystery, farce, buffo, pantomime. The text satirical and grotesque nature the is investigated. In the framework of the farce and buffo the First Moscow process where the prototypes are is considered. The composition and genre issues are touched upon, the problem of attribution of the story is raised. To the source base of the work are added: occult novel by A. Crowley “Moonchild”, stories by A. Schnitzler “Rock”, U. Allen “Fatal Experience”, R. Market “Invention of Professor Carter”, R. Presber “Last Feast of the Last of Birkovich”, B. Lavrenev “The Child Gregory”. References to the iconic systems of the Egyptian “Book of the Dead” and the collection of Arab fairy tales “One Thousand and One Nights” are used.

Keywords: mystery; mistification; buffo; farce; narration; grotesque; S.S. Kamenev; M.N. Tukhachevskiy; A.I. Egorov; I.V. Stalin

References

1. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motive in the novel of M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of 20th–21st Century]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 170–188. (In Russian).
2. Lavrenev B. Otrok Grigoriy [The Child Gregory]. *Krasnaya panorama* [Red Panorama], 1925, no. 23. (In Russian).
3. Eykhenbaum B. *O literature. Raboty raznykh let* [About the Literature. Works from Different Times]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1987. (In Russian).
4. Zelenin D.K. K voprosu o rusalkakh (Kul't pokoynikov, umershikh neyestestvennoyu smert'yu, u russkikh i u finnov) [To the issue about mermaids (Russian and Finnish cult of unnatural departed)]. In: Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture. 1901–1913* [Selected Works. Articles on spiritual culture. 1901–1913]. Moscow, “Indrik” Publ., 1994, pp. 230–298. (In Russian).
5. Yablokov E.A. *Motivy prozy Mikhaila Bulgakova* [Motives of Mikhail Bulgakov's prose]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 1997, pp. 34–36. (In Russian).
6. Shou B. Trushchoby. Muzh roka [Rookery. Fate's husband]. In: Shou B. *Polnoe sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols.]. Moscow, V.M. Sablin's Publ., 1910, vol. 3. (In Russian).
7. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., Olo Publ., 2005.
8. Gorelov D. Rozhdennye khvatami. Kto na samom dele vyigral v Grazhdanskoy voyne [Born in the fight. Who has actually won the Civil War]. *Izvestiya*, 2013, February 27. (In Russian).
9. Dzyadko T. Sovetskie komandiry. Mikhail Nikolaevich Tukhachevskiy [Soviet commanders. Mikhail Nikolaevich Tukhachevskiy]. *Diletant. Istoricheskiy zhurnal dlya vsekh* [Amateur. Historical Journal for All]. (In Russian). Available at: <http://diletant.media/articles/35110234/> (accessed 22.06.2018).
10. Smelyakov Y.V. Komandarmy Grazhdanskoy voyny [Army commanders of the Civil War]. In: Smelyakov Y.V. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1986. (In Russian).
11. Rabinovich S. *Istoriya Grazhdanskoy voyny* [History of the Civil War]. Available at: http://militera.lib.ru/h/rabinovich_s/index.html (accessed: 22.03.2018).

12. Crowley A. Lunnoe Ditya [Moonchild]. In: Crowley A. *Kniga Zakona. Kniga Lzhey. Lunnoe Ditya* [Book of the Law. Book of the Lie. Moonchild]. Moscow, Ostozhe Publ., 1998. (In Russian).
13. Presber R. Posledniy pir poslednego iz Birkovichey [Last Feast of the Last of Birkovich]. In: Presber R. *Krasniy osel. Rasskazy* [Red Donkey. Short Novels]. Moscow, Corporate Publishing Company “Ogonek”, 1928, pp. 23-33. (In Russian).
14. Shmelev I.A. Bronetankovye voyska Pol'shi 1918–1939 gg. [Poland panzer troops in 1918–1939]. Available at: http://www.xliby.ru/trans-port_i_aviacija/tehnika_i_vooruzhenie_1999_09/p2.php (accessed: 22.03.2018).
15. Mityurin D.V. *Grazhdanskaya voyna: belye i krasnye* [Civil War: White and Red]. St. Petersburg, LLC “Poligon” Publ., 2004. (In Russian).
16. Tetar A. *Ukrotiteli* [Tamers]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1931. (In Russian).

Received 20 April 2018

Reviewed 15 May 2018

Accepted for press 29 June 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С.С. Каменев и его окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» [“Александр Семенович Рокк”: chief commander of The Workers' and Peasants' Red Army S.S. Kamenev and his surroundings in the novel by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 15, pp. 39-53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-39-53. (In Russian, Abstr. in Engl.).